

Порой, чтобы написать о жизни другого человека, нужно прожить свою собственную.

АЦАМАЗ МАКОЕВ. СО СВИРЕЛЬЮ И БЕЗ

К 65-летию человека и музыканта.

Если бы эпиграфом к статье об Ацамазе Макоеве можно было приложить музыкальное произведение, то я выбрал бы его юношеский «Ноктюрн». Удивительно тонкая, светлая, пронзительно проникновенная музыка, в которой, как в маленьком зёрнышке, заложены преемственность прошлого и уровень таланта, обещающего произрасти прекрасным будущим. В авторском исполнении «Ноктюрн» - это ещё и демонстрация таланта замечательного пианиста.

Именно и только пианистом видела сына мама, Раиса Николаевна Макоева, услышав в 1958-м году Ван Клиберна. Она работала учителем русского языка в бесланской первой школе, учеником которой мог стать и Ацамаз, меньше всего тогда думавший о музыке и с удовольствием гонявший с друзьями футбольный мяч. Но от судьбы не убежишь, тем более, когда она выступает в образе любящей, доброй, ласковой, но очень настойчивой при достижении поставленной цели мамы.

В Беслане не было тогда ни музыкальной школы, ни тем более нормального инструмента. Ацамазу было шесть лет, когда мама привезла его в Орджоникидзе в единственную тогда музыкальную школу, находившуюся на проспекте Мира. Для нынешних музыкальных школ недостижимой мечтой являются тогдашние обязательные конкурсы при приёме на учёбу. Приёмной комиссии понадобился год, чтобы-таки разглядеть уже в семилетнем мальчике задатки таланта.

Ради сына Раиса Николаевна перебралась в Орджоникидзе. Долгое время им приходилось скитаться по съёмным квартирам. Какое-то время они жили на улице Ленина. Впечатлённые игрой юного дарования соседи скинулись и купили ему пианино.

Ацамаз с благодарностью вспоминает своих первых педагогов, а особенно Виктора Георгиевича Никитина. Он делал то, что не всегда получалось у мамы: заставлял заниматься, просто закрывая его в классе, контролируя не всегда увлекательный процесс разучивания гамм из соседнего класса. Когда рояль переставал звучать, в проёме появлялось строгое лицо Виктора Георгиевича. Иногда этого было достаточно, иногда... Впрочем, подзатыльники, как и не самые педагогичные в прежние тёмные времена розги, пробили дорогу в светлое будущее не одному поколению выдающихся людей.

В шестом классе на одном из конкурсов Ацамаза услышала Зарема Андреевна Лолаева. Уникальная женщина и педагог. К ней не поступали, она сама выбирала учеников. Она и пригласила его в тогдашнее ещё одноэтажное здание училища искусств, предложив для первой встречи подготовить определённые гаммы. Первая встреча чуть не оказалась и последней. Доброжелательная память очевидцев сохранила для истории картину вылетевшего из дверей училища искусств сначала Ацамаза, а потом последовавшей за ним папки с нотами. Через несколько лет двери училища искусств закроются за одним из самых талантливых и любимых учеников Заремы Андреевны.

Прекрасный педагог, она обладала редчайшим даром видеть в совсем ещё молодом человеке заложенные в нём задатки. Жанне Плиевой она сказала, что та будет композитором. В Валерии Гергиеве рассмотрела дирижёра. Ацамазу Макоеву Зарема Андреевна предложила учиться на двух отделениях – фортепьянном и композиторском. Блестящее владение инструментом позволяло говорить о возможности карьеры выдающегося пианиста. Уже в те годы Ацамаз был влюблён в Рахманинова, пианиста и композитора. Эта увлечённость просматривается во многих его фортепьянных произведениях, в самой исполнительской манере игры. А потом в его жизни появилась музыка Феликса Алборова, что стало определяющим в решении стать композитором. И это тоже не могло не сказаться на его будущих произведениях.

Написанный на четвёртом курсе «Ноктюрн» стал частью выпускных экзаменов в училище, а затем вступительных экзаменов в ленинградскую консерваторию. Редкий случай, когда молодому человеку, только претендующему на место в престижнейшей консерватории, разрешили исполнить своё собственное сочинение.

Долгое время я был убеждён, что эта, по сути небольшая музыкальная миниатюра, принадлежит перу зрелого композитора. Она и сегодня звучит абсолютно современно и удивительно свежо. На каждом очередном этапе жизни в её исполнение можно вкладывать чувства и переживания сегодняшнего дня, хотя написана она была семнадцатилетним юношей, влюблённым в девушку из Моздока.

Когда Зарема Андреевна решила показать Ацамаза маститым Нине Карницкой, Дудару Хаханову и Христофору Плиеву, те не разделили её восторга. Уже после консерватории они же не просто опекали его, но относились с особой заботой и любовью. Илья Габараев, кого-то уволив, назначил Ацамаза Макоева ответственным секретарём Союза композиторов.

Но это было потом. Впереди были годы учёбы в Ленинградской консерватории. Ацамаз слушал очень много прекрасной музыки, но прежде всего Рахманинова, Чайковского и Прокофьева. Они откладывались в

глубинах души, чтобы потом в его собственных произведениях слышались и читались те вершины, к которым он будет стремиться всю свою жизнь.

В Ленинграде Ацамаз познакомился со многими прекрасными музыкантами. Был участником группы «Пульс», в которой на гитаре играл Александр Розенбаум. В его первом сольном концерте, состоявшемся ночью в общежитии, Ацамаз играл на клавишных.

Первые летние каникулы не стали временем беззаботного отдыха. Студенту престижнейшей консерватории предложили написать несколько песен, и появилась, ставшая шлягером на годы и десятилетия «Кæмдæр ирон лæппутæ зарынц» на стихи Камала Ходова. Затем будут написаны десятки песен, но эта жемчужиной будет выделяться среди них не потому, что была первой, а потому, что действительно была прекрасной.

В студенческие годы Ацамаз исполнил свою давнишнюю мечту - познакомился с Феликсом Алборовым, в музыку которого был давно влюблён. Он специально приехал к нему в Цхинвали, просидел в приёмной музыкального училища, директором которого тогда был Феликс Шалвович. Между студентом, только постигавшим секреты композиторского мастерства и признанным композитором, завязалась искренняя тёплая дружба, продолжавшаяся до самого ухода Феликса Алборова. Феликс Шалвович впоследствии не раз называл Ацамаза своим преемником. Ему Ацамаз посвятил несколько своих симфонических произведений. Ему Феликс Алборов, понимая, что не успеет дописать свою единственную оперу «Фатима», доверил закончить её.

После Ленинградской консерватории с перерывом на армию Ацамаз поступил в Ереванскую консерваторию. Считалось, что именно там была одна из лучших композиторских школ. А если называть имена великих армянских композиторов, то так оно и было.

В Ереван Ацамаза повёз Резван Цорионти, когда-то сам учившийся там. Само присутствие Резвана оказалось лучшей рекомендацией. Ректор консерватории сказал: «Он не будет сдавать экзамены. Если ты его привёз, значит будет толк».

В годы учёбы тогдашний директор Лицея, легендарная Алла Романовна Коцоева, обратилась к Ацамазу Макоеву с просьбой написать детский альбом для всех инструментов. Просьба была исполнена. Были написаны концертно для фортепьяно с оркестром, фантазия-шутка для фортепьяно с оркестром, хоровая кантата «Чьё у памяти лицо...» к 40-летию победы на стихи Ирины Гуржибековой для хора Ольги Джанаевой.

Подбодрённый Аллой Романовной, как когда-то Заремой Андреевной Лолаевой, Ацамаз принёс свои первые по-настоящему крупные произведения в филармонию. Повторилась та же история, как когда-то со встречей с осетинскими композиторами. Опытнейший Павел Ядых заявил, что его оркестр такой примитив играть не будет.

Через три месяца все три произведения были исполнены в Вильнюсе в музыкальной школе им. Чюрлёниса, которая дружила с нашим лицеем. Мы слишком часто признаём талант собственных исполнителей, лишь получив рекомендательные письма из очень неблизкого далёко.

Рекомендации были приняты к сведению, и каждое последующее произведение, написанное Ацамазом Макоевым, включая и «забракованные», сначала исполнялось оркестром Павла Ядыха.

Тридцать раз потом он дирижировал дипломным произведением Ацамаза Макоева – Концертом №1 для фортепьяно с оркестром. Его брали в репертуар своих оркестров Вероника Дударова и Туган Сохиев. И тогда ещё очевиднее раскрывались заложенные в нём мощь и потрясающая красота музыки.

По моему глубокому убеждению, с этого фортепьянного концерта можно говорить о появлении действительно не просто талантливого, но крупного композитора. А ещё есть в нём некая развилка – в первом фортепьянном концерте на равных присутствуют очень талантливый композитор и блестящий пианист. Слушая Ацамаза-пианиста, не можешь уйти от сравнений его с Сергеем Рахманиновым, одним из его самых любимых композиторов и тоже пианиста.

Да, Ацамаз сделал свой выбор, но и годы спустя, слушая тот же фортепьянный концерт, остаёшься в полной убеждённости, что перед тобой великолепный исполнитель с длиннющим гастрольным графиком.

В 1999-ом году дирижировавший оркестром на до сих пор единственном авторском концерте Ацамаза Макоева крёстный отец многих выдающихся музыкантов, Анатолий Аркадьевич Брискин, оценивая как раз уровень исполнительского мастерства Ацамаза, сказал: «Я ещё не видел, чтобы человек был в форме, не занимаясь. Он прирождённый пианист. И совсем не надо ждать приезда какого-то лауреата, когда рядом есть такой пианист, у которого можно так многому научиться. Это огромный талант. Лишь огромная загруженность не позволяет ему вести концертную деятельность, и в этой ипостаси он мог достигнуть огромных успехов.»

По отношению к Ацамазу Макоеву нельзя сказать, что после учёбы он начал работать. Для него учёба была формой работы, потому что писал музыку и играл на рояле он всегда. Потому что сам рояль был и инструментом написания музыки, и её исполнения.

В 1985-ом Георгий Хугаев предложил Ацамазу Макоеву написать музыку к спектаклю по собственной пьесе «Богатый дом». Начались двенадцать счастливых лет в Осетинском театре. Написание музыки в осетинским пьесам требовало знания языка, и Ацамаз преодолел этот барьер. Общение с великими актёрами в быту и в процессе работы над спектаклями помогало глубже погружаться в драматургию действия и смысл слова, чтобы

написанная к ним музыка была не иллюстрацией, а сама становилась действующим лицом.

В 1991-ом году Ацамаз Макоева приглашает в только что открывшийся театр «Нарты» Анатолий Дзиваев для написания музыки к спектаклю по пьесе Шамиля Джикаева «Отверженный ангел». Спектакль и его создатели получили государственную премию ещё советского государства. Потом была работа в Русском театре и опять в Осетинском. Именно за музыку, написанную к спектаклям, Ацамаз Макоев трижды становился лауреатом премии имени Коста Хетагурова.

Мама очень хотела, чтобы Ацамаз написал музыку к спектаклям «Æвхæрдты Хасанæ» и «Чермен». Первый так и не был поставлен на сцене Осетинского театра, а «Чермен» лишь два года назад поставил Тамерлан Сабанов. Он стал 59-м спектаклем, в котором звучала музыка Ацамаза Макоева.

Как дань благодарности, признанием в любви Осетинскому театру стала поэма для симфонического оркестра «Театр», посвящённая легендарному актёру Соломону Таутиеву. О нём рассказывали актёры, его видела на сцене в спектаклях мама Ацамаза, Раиса Николаевна. Она услышала поэму «Театр» в том самом единственном авторском концерте сына в 2000-ом году на сцене филармонии, художественным руководителем которой привёл его в 1996-ом Бибо Ватаев.

Но больше всего Раисе Николаевне понравилась «Молитва», исполнявшаяся в этот же вечер. «Всё остальное ты можешь выбросить», - безапелляционно сказала она сыну. В этих словах скорее всего был уровень требований к тому, что он делал. Профессионалы и слушатели отнеслись к «забракованным» и, как и «Молитва», впервые прозвучавшим произведениям с большей справедливостью, наградив их овациями. Партитура «Ночной фантазии» на тему Эдварда Грига для фортепьяно с оркестром, прозвучавшая в этот же вечер, удостоилась чести храниться в музее великого композитора в Норвегии.

Подмечая тонкий вкус и слух Раисы Николаевны, хочу сказать о восторге, который был вызван исполнением «Молитвы» в 2006-ом году в концертном зале Московской консерватории. Стоя, ей аплодировали и зал, и оркестр.

В 2000-м Ацамаз Макоев стал директором филармонии. Появился некий административный рычаг, который он надеялся использовать не только на благо филармонии, но и всей музыкальной культуры Осетии, проблемы которой он понимал и воспринимал очень остро. Можно почивать на лаврах признания коллег, друзей, сегодняшнего зрителя, но если не заниматься подготовкой зрителя завтрашнего дня, не воспитывать новые поколения будущих коллег, то очень скоро забытыми и не востребованными станут самые лучшие твои собственные произведения, произведения твоих предшественников и учителей.

А это означало работу прежде всего с детьми. Для них он писал много и хорошую музыку. Занятиям и встречам с ними он отдавал драгоценные часы совсем не свободного времени. На встречах с Ацамазом Макоевым выросло не одно поколение учеников музыкальных школ Осетии.

Вместе с директором октябрьской музыкальной школы Зоей Алексеевной Кайтмазовой они задумали и организовали конкурс «Звёздочка Осетии». Обязательным условием было исполнение участниками конкурса произведений осетинских композиторов. Поддержка была оказана на самом высоком уровне. В жюри первого конкурса, состоявшегося в 1992-м году, сидели Феликс Алборов, Ким Суанов, Дудар Хаханов, Булат Газданов. Сами условия конкурса подтолкнули композиторов писать детскую музыку. И в этом тоже была задача конкурса. Для детей стал писать даже более чем серьёзный Илья Габараев. За все годы проведения конкурса было открыто множество дарований. Одним из самых ярких был Туган Сохиев.

Но менялись времена, министры, приоритеты, уходили композиторы. В 2005-м не стало Феликса Алборова. А в 2006-м отблестела последняя «Звёздочка Осетии».

Должность директора филармонии не стала волшебной палочкой, способной решить все проблемы, зато многими почему-то именно она воспринималась их источником.

В 2000-м году ушёл Павел Ядых и вдруг остро встала проблема с дирижёрами. Во Владикавказе усилиями Тамерлана Хосроева была создана сильнейшая школа дирижёров, но в оркестр филармонии, окончив престижные консерватории в Москве и Петербурге, они упорно не хотели возвращаться, даже когда их назначали главными дирижёрами. Несколько лет с оркестром работал Валерий Хлебников. И это были совсем не худшие годы.

Ацамаз продолжал много писать, откликаясь на важнейшие события своей малой Родины. Увы, не всегда они были праздничными. В 2002-ом произошла трагедия схода ледника Колка в Кармадоне. Он откликнулся на неё написанием симфонии-реквиема «Кармадон» для хора и солистов. Ровно через год после трагедии, двадцатого сентября 2003-го года состоялось её единственное исполнение на сцене филармонии.

А потом случился Беслан, родной город Ацамаза Макоева. И симфония, задолго до этого задумывавшаяся радостным гимном родному городу, на ходу переписывалась в реквием по погибшим детям и взрослым.

С 2004-го по 2007-й ничего не писалось. Только симфония-реквием «Беслан». Первое исполнение состоялось на сцене филармонии в 2007-ом году. В зале были только выжившие дети-заложники и их родители. Второе в самом Беслане. За два последующих года она прозвучала в восемнадцати городах. В Назрани Ацамаз Макоев сыграл её на рояле. В Грозном на

исполнении «Бесланской симфонии» присутствовал всемирно известный виолончелист Сергей Ралдугин. Он сказал, что слушал её стоя.

Возможно, когда-нибудь Ацамаз напишет ещё одну, исполненную драматизма симфонию - «Филармония. История моей боли». История стойкого, сильного, но всё же интеллигентного человека, не умеющего, по его собственному признанию, просить, но вынужденного в силу этой самой интеллигентности обращаться со страниц газет и экранов телевизоров к тем, от кого это зависело, с просьбой сделать ремонт дряхлеющего здания бывшей немецкой кирхи, на долгие годы ставшей Домом Музыки, в котором звучали произведения великих композиторов всех эпох и народов, а ещё музыка осетинских композиторов, в силу особенностей формирования репертуара крупных оркестров, могущая звучать за редкими исключениями в стенах только родной филармонии.

Ремонт начался, но затянулся на долгих восемь лет. Увидевший его результаты вновь избранный глава республики Тамерлан Агузаров, придя в немалое смущение, приказал в кратчайшие сроки сделать новый ремонт. Но великолепно отремонтированное здание было решено передать под концертный зал филиала Мариинского театра. Для Ацамаза Макоева это были действительно боль и шок. Юридически филармония сохранилась, но без главного своего музыкального инструмента - симфонического оркестра и ... без здания.

Написав музыку к десяткам спектаклей и фильмам, к трём мюзиклам и балету, пять симфоний, две оперы, пять инструментальных концертов, десятки исполняемых и популярных песен, он остался если не у разбитого корыта, то почти в чистом поле. Три года в здании музея осетинской литературы, а потом в исполнение данного слова Главой республики - переселение в двухэтажное здание бывшего Республиканского научно-методического центра.

Все эти годы Ацамаз продолжал работать. Вместе с коллегами из соседних республик он организовал регулярный фестиваль «Музыка соседей. Музыка друзей». Музыка композиторов республик Северного Кавказа стала главной в концертных программах симфонических оркестров Нальчика, Грозного, Махачкалы, Ставрополя. И совсем не изгнанницей звучала в Грозном или Нальчике музыка осетинских композиторов.

«Моя главная задача, - говорил Ацамаз Макоев, - сохранить филармонию, как коллектив, как структуру, в которой можно будет создать свой, пусть и небольшой, симфонический оркестр, способный вновь сделать возможным звучание музыки выдающихся осетинских композиторов.»

В суматошной неразберихе середины 90- годов прошлого столетия назначение Ацамаза Макоева руководителем филармонии только тогда и могло восприниматься случайным. Спустя годы, понимаешь, что в этом выборе была своя закономерность и неизбежность. И не потому, что больше

никого не было и никому не хотелось. Возможно, и хотелось. Но по иным, вполне просчитываемым параметрам, которые в конечном итоге и определяют выбор, другого действительно не было.

Его и сегодня нет. И в этом несомненном плюсе биографии Ацамаза Макоева есть столь же очевидный минус в контексте перспектив национальной музыкальной культуры, проблемы развития которой, а порой и выживания, становились страницами жизни самого Ацамаза.

Они не перелистаны до конца. И пусть никого не обманывают сохранившиеся и в его нынешние 65 внешняя мягкость и природная интеллигентность – за ними ощущение внутренней силы и целеустремлённости, опирающихся на несомненный талант, помноженный на блестящую образованность и готовность каждое новое произведение заканчивать мажорными аккордами.

Эдуард Дауров, январь – 7-е февраля 2022